

Часть 7: Неудавшаяся реинкарнация.

Вместо эпилога

Когда текст английского издания был уже готов и сдан, мне посоветовали написать эпилог, чтобы увеличить объем рассказа.

(Редактор, глядя мне в душу мудрыми карими глазами, которыми он каким-то образом насчитал в рассказе на три тысячи слов больше, чем на самом деле, и теперь думает, что если добавить еще чуть-чуть, получится целая повесть:) - Напиши эпилог.

(Я:) - Эпилог?

(Редактор, не моргнув ни единым мудрым карим глазом:) - Ну, да, где они умирают в пожаре вместе, спасая младшего племянника и мужа сестры, а потом возрождаются в теле культиваторов... глав на тысячу триста пятьдесят... две.

(Я:) - Так?..

(Редактор, забыв обо мне:) - Да. И сначала они не помнят друг о друге, и находят новую любовь, и заводят детей, и улучшают своих культиваторов...

(Я:) - Свою культивацию.

(Редактор:) - И ее тоже... И все это время в их душе живет какая-то тоска. И потом любовь у одного трагически умирает в пожаре, спасая племянника, а всех детей он где-то теряет...

(Я:) - На прогулке в Центральном Парке.

(Редактор, подозрительно глянув в мою сторону, но так и не поняв, кто из предметов мебели научился говорить:) - К примеру. А потом они, наконец, встречаются, но не помнят друг друга. И дальше они куда-то вместе едут 100 глав по семь страниц*, и жена другого начинает ревновать, но без причины, на самом деле... Пока! Потому что они же друг друга не помнят! (он впал в восторг, как в маразм)

- А потом они понимают, что не хотят расставаться, и дальше 200 глав их чувства растут и становятся неконтролируемыми, и жена уже ревнует с некоторыми основаниями... И потом они начинают вспоминать, но сначала вспоминается самое плохое, вырванное из контекста, и они расстаются глав на 50 (и жена, наконец, может вздохнуть спокойно), но они уже не могут друг без друга и, поэтому, следующие 50 глав они ищут встречи, и наконец... в общем, как-то так, я за тебя не обязан все сочинять!.. Там еще будет мудрый старикан на буддистской горе, он им должен открыть правду, но очокурится в самый неподходящий момент, и это затянет сюжет еще на 500 глав. Жене он все равно изменит.

-----

* Мечта Редактора - убедить меня, что минимум объема главы должен составлять семь страниц по 350 слов. Бедняга. Пока я придерживаюсь минимума в три страницы и считаю это жертвой. Мой рекорд длины для главы - 4 слова.

Где я, а где редактор... Как я могу с ним спорить? Он даже не человек. Наблюдая, как он стоит у кофеварки и пытается открыть пакет с молотым кофе, упорно тыкая в него пальцем раз за разом, отчего пакету ни жарко, ни холодно, я понимаю, что спорить бесполезно.

Иду, пишу.

Эпилог на 1352 главы.

Глава Первая

(как положено, не с самого начала, пожар вспомнится потом)

Долина предрожденных тонула в мистической сиреневой дымке. Неясные очертания, не помнившие собственного "я", не откликавшиеся ни на одно из известных в языках вселенной имен, теснились на пологих склонах, ступая босыми ногами по бесцветной траве. Они были не духами и не телами, не людьми и не призраками. Они принимали любую форму, но им было все равно какую, поэтому, теряя причины выглядеть определенным образом, они становились похожи на обсосанных мишек-гамми. Все, что они должны были знать - это свой номер в очереди на реинкарнацию. Последним объявили число с восемью тысячами цифр... когда-то. Время здесь не имело значения.

Лью ШуШон стоял между другими формами, по инерции сохраняя обличье, бывшее "им" за минуту до пожара, которого он не помнил и который случился неизвестно когда. Идти куда-то было бессмысленно. Стоять тоже было бессмысленно. Собственно, самого смысла в этом месте тоже не было, так что можно было не волноваться. Он все равно не помнил, как это делать.

Окружающие формы медленно скользили мимо, бессознательно издавая наборы звуков, которых сами не понимали, как не помнили и того, что это называется речью:

- Дай списать три тысячи запретов нашей секты.

- Осторожно, двери закрываются, следующая станция Юго-Западная.

- Гех-гех-гхе к'наток!

- ...как писал где-то великий Бо Баюн...

- Простите, вы не скажете, как пройти в канцелярию префектуры?.. Простите, вы не скажете, как пройти в канцелярию префектуры? Простите, вы не скажете,.. - монотонно интересовался чей-то голос.

- А на хуй ты пройти не хочешь? Заебала со свое канцелярией.

Лью ШуШон поднял часть своей формы, которая не помнил, как называлась, - круглая такая, с ушами, - и медленно повернул ее в сторону звуков. Они не имели для него значения, но обладали неясной притягательной силой. Возможно, сказывалось действие электромагнитных полей и заряженных частиц.

(Редактор, который к этому времени проковырял сбоку в пакете дырку, просыпал все мимо кофемашины и теперь висел у меня за спиной:) - Какая-то тоска поселилась в его душе.

(Я:) - Что бы я без тебя делала...

Лью ЛиДжон блуждал по долине предрожденных вместе с электромагнитными потоками, неопределенное время назад обнаружив, что на них можно кататься, как... он не помнил, на чем еще можно кататься. Плотное движение недобиомассы вокруг создавало в его форме что-то, похожее на раздражение... если бы он был способен чувствовать раздражение. Эти обсосанные козлы со всех сторон действовали ему на... эти... которые надо беречь.

Стерильное однообразие обстановки не создавало никаких ориентиров в несуществующем времени пока... что-то не изменилось. Если бы он помнил, он бы назвал это запахом... Если бы он помнил запахи, он сказал бы, что так пахнут садовые гвоздики... Если бы он помнил, почему запах садовых гвоздик волновал его, он не был бы предрожденным и не торчал бы в сраной мистической дымке миллион лет. Как бы то ни было, он начал перемещаться, стараясь не потерять странное изменение в несуществующей атмосфере.

Не помнящий своего имени Лью ШуШон шагнул в сторону, куда его звала такая штука... она еще нужна, чтобы умирать от остановки сердца.

В двух шагах перед собой он увидел две голубые светящиеся,.. наверно, это называется "звезды". Он не очень хорошо знал, как звезды должны вести себя, поэтому он не удивился, когда они недоверчиво прищурились. Он только знал, что красивее них не было, нет и не может быть ничего в этой вселенной.

- Ты кто? - спросил он, с трудом подбирая слова.

- Не знаю, - ответил другой. - Дай мне эту... такая, с пятью штуками... блядь! как же эта сволочь называется?!.. Руку! Дай мне руку!

(Лью ШуШон:) - Только руку? Хочешь еще что-нибудь?

(Лью ЛиДжон:) - Хочу... но я не знаю что... иди ко мне поближе, а то эти козлы нас затопчут.

(Лью ШуШон, посоображав, выдвинул идею:) - Возьми еще одну... которая с пятью штуками. У тебя их тоже две.

(Лью ЛиДжон, через некоторое несуществующее время:) - Я хочу потрогать тебя, но у меня больше нет рук.

(Лью ШуШон, рассудительно:) - Отпусти одну.

(Лью ЛиДжон, крепче переплетая пальцы:) - Не отпущу.

(Лью ШуШон:) - Тогда вот этими... которые у тебя под звездами... мягкие, теплые, улыбаются,.. когда ты ими трогаешь, внутри все дрожит... мне почему-то так кажется.

(Лью ЛиДжон, вспомнив:) - Уши?

(Лью ШуШон, с сомнением:) - Не уши... Как их там...

(Лью ЛиДжон, впиваясь губами в губы того, которого он не помнит:) - Какая на хуй разница!

Внутри действительно все дрожало, и, если бы сердце было на месте, оно обязательно бы остановилось. Маленькие фиолетовые разряды трещали там, где эти теплые и мягкие касались тела другого, не совсем понятно какого. Недоформы вокруг бубнили, пугались и пятились.

- Это нарушение общественного порядка, - вдруг высунулась рожа из тумана. - Я сообщу в канцелярию префектуры.

- Иди найди ее сначала, тупая корова, - злорадно пожелал ей Лью ЛиДжон.

Лью ШуШон смотрел снизу на его подбородок - туда, где кожа, укрытая в сгибе от жестокости окружающей среды, была такая незагрубевшая, нежная, ему хотелось не только водить по ней губами, но и захватить по сильнее, покусать немножко... От одной этой мысли в его форме запульсировали электрические потоки.

- Давай лучше трахнемся, - услышал он любимый хриловатый голос.

(Лью ШуШон:) - Как это?

(Лью ЛиДжон:) - Не знаю... мы вспомним.

Они побрели по долине пробираясь сквозь недоформы, иногда останавливаясь, чтобы прижаться друг к другу в середине биостада, спешащего на реинкарнацию.

Там, где тела соприкасались, они начинали таять, и блаженное невыносимое чувство растекалось по естеству. Становилось понятно, что надо завершить взаимопроникновение и растаять до конца внутри друг друга. Безотлагательно.

Они ускорили шаг, распахивая на пути бестолковых недорожденных, пока не втащили друг друга в какую-то ложину между холмами с той же бесцветной травой, бесцветными кустами и серыми безрадостными валунами, будто забытыми отступившим ледником. Как будто в этом месте мог быть или ледник... или вообще что-нибудь.

(Лью ЛиДжон:) - Это грудь... тут мышца, у тебя еще есть... повсюду...

Он исследовал тело другого губами.

У них была причина принять очень определенную форму, и никакую другую, важная причина. Принять ту забытую форму, которую любил другой в давно забытой жизни.

Лью ЛиДжон находил, в первый раз за последний миллион лет, гладкую теплую расселину посередине большой грудной мышцы, упрямую выемку на подбородке под нижней губой, выступ скулы возле уха, округлость бицепса, сгиб локтя, косточку на запястье. Он гладил их губами, грел, забирая в рот покрывающую их кожу.

Лью ШуШон, с закрытыми глазами, закинув лицо к отсутствующему небу, обхватил его обеими руками и накрепко прижал к себе.

(Лью ЛиДжон:) - ...

(Лью ШуШон, сообщает только что обнаруженное обстоятельство:) - Мы голые.

Хрестоматийная фраза, заставившая их прародителей устыдиться своего непотребного вида и бежать куда глаза глядят, прикрываясь яблоками и листиками с кустов, в данном случае не послужила основанием для каких-либо дисциплинарных выводов... Если только лишней раз напомнила, что надо трахнуть.

(Лью ЛиДжон, несмотря на каменное объятие, сдавившее его, пытается опуститься и коснуться губами живота Лью ШуШона:) - Сейчас... Дай мне потрогать здесь.

Мускулистая рука остановила его, крепко взялась за подбородок и подняла его вверх.

(Лью ШуШон:) - ...

(Лью ШуШон, тихо:) - Ты говорил: я тебе реснички поцелую.

(Лью ЛиДжон:) - Да?

(Лью ШуШон, тихо:) - Я помню.

Взгляд Лью ЛиДжона утонул в темных, неожиданно широко распахнувшихся, глазах Лью ШуШона, склонившегося над ним. В них не было ни единого остатка мистической фиолетовой дымки, зрачок заполнил всю радужную сферу. Они стали совершенно черные, как черная дыра, поглощающая время и пространство с космической скоростью...

Можно долго рассказывать о вселенском инстинкте мужчины, который подобен черной дыре, и про то, как просыпается хищник, и про то, как один тонет в желании другого, и про то, как оно откликается томящими позывами в обоих телах, и как диафрагма подступает к горлу, и про все такое. Это было бы нечестно, потому что ничего из ряда вон проникновенного не успело произойти.

Лью ЛиДжон, глянув на свое отражение в потемневших глазах Лью ШуШона, успел почувствовать немного страха и немного восторга (он, будучи мужиком, все равно не смог этого осознать), потом его укусили в ягодичную складку (да, это он хорошо почувствовал), и член Лью ШуШона был уже у него в том самом месте, внутри. Причем, из положения почти на коленях Лью ЛиДжон за это время переместился на спину, точнее, на плечевой пояс, потому что его ноги были на Лью ШуШоне, сгибами почти доставая до плеч. От "ресничек" до члена в заднице прошло неполных три секунды, включая глаза, вселенную и все остальное.

За миллион лет можно сильно соскучиться по любимому.

Сведенные судорогой руки шарили по бесцветной траве и раскидывали ее клочьями. Приливы наслаждения разрывали все внутри, начинаясь в недрах промежности и стократно усиливались, пока докатывались до концов нервных окончаний. Несдерживаемые, набегающие друг на друга стоны пугали редких недоформ, маячивших за валунами. Каждое движение внутрь кричало "Это я. Ты мой." Каждое движение назад было обещанием вернуться.

Все огненные бури в метановых атмосферах на далеких планетах сгорели в их чреслах за несколько минут. Все звезды вселенной сошлись в месте их соединения и растворились с ними в сияющем водовороте, покалывая и щекоча внутренности. Вокруг них наэлектризованный мистический туман трещал фиолетовыми разрядами и выгорал, оставляя запах озона.

Это было концом света. Осталась только блаженная пустота, орошенная смешавшимся

семенем, как до сотворения мира. И тело другого человека в крепко сомкнутых руках. И тело любимого человека в твоих руках.

- Тебя зовут Лью ШуШон. Мой сладкий Бай Чи, - сказал Лью ЛиДжон.

Лью ШуШон молчал. Он замкнул возлюбленного в кольцо своих рук и прижимался к нему. Наконец, с закрытыми глазами, он проговорил:

- Тебя зовут маленькая любимая сволочь... нет, погоди... я помню... мой ясноглазый мальчик... мой ЛиДжон.

Разрушив вселенную, они отдыхали, как кто-то, не помню точно кто, на седьмой день. Лью ЛиДжон, наконец, заерзал и повернулся, чтобы сидеть в объятиях второго мужчины, откинувшись на него всем телом.

(Лью ЛиДжон:) - Ты знаешь, что я вспомнил? Много чего... Море. Корабль, маленькая каюта и свет из щелей. И запах соли от досок... Ты не помнишь?.. А дорогу в горах и семь бандитов - как последний поклялся нам отомстить?..

(Лью ШуШон, на секунду вытаскивает лицо из растрепанных волос другого:) - Он еще клялся, а сам отбежал подальше!

(Лью ЛиДжон:) - (хихикает)

(Лью ЛиДжон, задумчиво:) - А Яфу помнишь? А еще, слушай... Я почему-то все время тебя бил...

(Лью ШуШон, не сразу:) - Наверно, было за что...

(Лью ЛиДжон:) - Не уверен.

(Лью ШуШон, рассудительно:) - Столько времени прошло. Ты теперь должен меня простить... Я был плохим человеком?

(Лью ЛиДжон, расслабленно улыбнувшись:) - Ты был самым лучшим человеком. И сейчас тоже.

(Лью ШуШон, помрачнев:) - Я вспомнил... Я, кажется, тебя задушил и выкинул тело в пропасть.

(Лью ЛиДжон, с усталым вздохом:) - Наверно было за что...

(Лью ШуШон, отвлекся и прислушался:) - Слышал? Объявили мой номер на реинкарнацию.

(Лью ЛиДжон:) - На хуй реинкарнацию... Ты сегодня наказан, никуда не пойдешь. Будешь знать, как меня душить и выкидывать.

(Лью ШуШон, расслабляясь, ладонь распластана по животу Лью ЛиДжона:) - ...

(Лью ЛиДжон, с закрытыми глазами, голова на плече другого:) - Потом что-нибудь придумаем...

(Я:) - У них совесть есть?! Где мои тысяча триста пятьдесят две главы и Литературная премия университетов Западного Побережья? Эти мудаки все испортили! Мало того, что долгий трогательный путь друг к другу после нового знакомства занял не тысячу глав, а ровно сколько надо, чтобы добежать до ближайшего куста и там заделать милому по самые помидоры, они еще и реинкарнацию просрали! И какая теперь, на хуй, культивация?! Невозможно работать!

Лью ШуШон проснулся в своей кровати. Он рывком сел и закрыл лицо ладонями. В голове крутились звезды, вселенные... которые он, кажется, разрушил, - какие-то бесформенные тени, туманы... Он осторожно опустил руки.

Солнце вставало над морем и заставляло взблескивать гладкие маленькие волны, когда они поднимались над поверхностью воды. Несколько кораблей из Индии и еще какие-то сонно покачивались на рейде. На потолке комнаты, в противоположной стороне от окна, уже появился солнечный светлый треугольник и начал ползти вперед, расширяясь и бледнея. Одну занавеску ночью затянуло ветром на балкон, и она теперь неохотно покачивалась, словно ночные приключения лишили ее последних сил. Все пока что спали, только чирикали и шуршали птицы в саду на ветках. Утренний воздух, еще не прогретый, пах солью и пряностями.

Лью ШуШон посмотрел на Лью ЛиДжона. Тот, не особенно потревоженный его резким движением, продолжал дрыхнуть без задних ног, только вытянул одну руку на подушке вдоль теплой задницы старшего мужчины - видимо, чтобы тот не вздумал улечься обратно. Лью ЛиДжон во сне с торжеством ухмыльнулся и пару раз, как щенок, чмокнул своими... мягкими такими... теплыми...

- ДжоДжо, - шепотом сказал Лью ШуШон. - Мне приснился сон.

Ресницы его племянника начали подниматься и снова опали. Через минуту он спросил:

- Про кого?

(Лью ШуШон, вспоминает:) - Сейчас... Про редактора с мудрыми карими глазами.

Удлиненные глаза Лью ЛиДжона медленно растворились, фокусируясь на бедре Лью ШуШона, в которое он упирался лбом. Он повернул голову и посмотрел на Лью ШуШона.

(Лью ЛиДжон, с расстановкой:) - Я не понял. Кто такой редактор?

(Лью ШуШон:) - Подожди ты, дай мне рассказать! Редактор был в самом начале...

(Лью ЛиДжон, приподнимаясь:) - Ах, это только начало! А потом был кто? Корректор?! А иллюстратор с вами был?

(Лью ШуШон:) - Ты будешь слушать или нет?!

Одним рывком Лью ЛиДжон сдернул его за задницу из сидячего положения в лежачее и навис сверху.

(Лью ШуШон, отталкивая руки, которые норовят ухватить его за горло:) - Подожди! У меня сил нет сейчас с тобой драться!

(Лью ЛиДжон, не отставая:) - Чем это ты, сука, занимался ночью со своим мудрым редактором?!

(Лью ШуШон, отбиваясь от разыгравшегося щенка, который весит как хороший теленок:) - Понимаешь, он вроде прорицателя. Он сказал, как мы умрем... И мы умерли!

Лью ЛиДжон, наконец, перестал на нем возиться, пытаться задушить и кусать за ухо.

(Лью ЛиДжон:) - ?..

(Лью ШуШон:) - Он сказал, что мы погибнем в пожаре, спасая племянника.

(Лью ЛиДжон, делая в уме пометку:) - ... Надо забрать спички у младшего Шона... Так и знал, что не надо давать.

(Лью ШуШон:) - И потом мы реинкарнируемся в культиваторов, и забудем друг про друга, но через тысячу лет встретимся... (виноватый вздох) Только мы не реинкарнировались.

(Лью ЛиДжон:) - Почему?

(Лью ШуШон, отводя глаза:) - Я свою очередь пропустил...

(Лью Лиджон, наклоня голову, чтобы поймать взгляд любимого, вкрадчиво:) - В этом твоём сне, во что мы были одеты?

(Лью ШуШон, чтобы любимый не поймал его взгляд, упирается лбом ему в плечо:) - Ни во что...

(Лью Лиджон, устраиваясь на Лью ШуШоне поудобнее:) - Ты рассказывай, рассказывай...

Над Яфой светило солнце. Начинался новый день.

КОНЕЦ (первой повести)

=====

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтётся. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице проекта, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.

<http://bllate.org/book/17829/1697100>